

На правах рукописи

Сыскина Анна Александровна

КРИТИЧЕСКАЯ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ
ТВОРЧЕСТВА ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск

2013

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на кафедре русской и зарубежной литературы

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Виталий Сергеевич Киселёв

Официальные оппоненты

Айзикова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра общего литературоведения, издательского дела и редактирования, заведующая кафедрой.

Круглова Людмила Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет», кафедра лингвистики, доцент.

Ведущая организация федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 19 декабря 2013 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Национального исследовательского Томского государственного университета.

Автореферат разослан _____ ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Захарова Людмила Андреевна

Общая характеристика работы

Настоящая диссертация посвящена исследованию **критической и переводческой реценции творчества Ш. Бронте в русской литературе второй половины XIX в.**

Россия и Англия всегда испытывали взаимный интерес, государственные и культурные связи между странами установились ещё в середине XVI в. Пиком русско-английских контактов, несмотря на сложность политической ситуации (Крымская война, соперничество за колонии), стала вторая половина XIX в. По признанию А.В. Дружинина, заметного критика и одного из наиболее последовательных приверженцев британской словесности, «англомания» стала приметой культурного развития России конца 1830-х – начала 1840-х гг. Не спало это увлечение и в дальнейшем, приобретя характер целенаправленного внимания к литературе Англии. Интерес к творчеству английских писателей поддерживала журналистика: «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», позднее – «Заветы», «Новая жизнь», «Русское богатство», «Северный вестник», «Мир Божий» и другие издания активно публиковали материалы об английской жизни, разборы новых и ставших уже классическими произведений, переводы поэзии и особенно прозы. Переводы из английской литературы составили славу целого ряда выдающихся русских переводчиков – И.И. Введенского, М.Л. Михайлова, Д.Д. Минаева, А.В. Дружинина, позднее Н.В. Гербея, Д.Е. Мина.

Интерес к бурно развивающейся британской словесности был обусловлен внутренними потребностями отечественной литературы. Критика и переводы стремились восполнить лакуны в становлении русского реализма, обратившись к опыту викторианской романистики. Из современных английских авторов, чьё творчество особенно сильно привлекало российскую публику, выделялись Ч. Диккенс и У.М. Теккерей, однако сфера внимания распространялась на обширный ряд писателей – У. Коллинза, Э. Бульвер-Литтона, Т. Гарди, Э. Тrollope, Дж. Остен, Дж. Элиот, Э. Гаскел, сестер Бронте. Женщинам-писательницам здесь принадлежало почетное место, а из их числа наибольшей популярностью пользовалась Шарлотта Бронте.

Столь пристальное внимание к творчеству Шарлотты Бронте вызывалось актуальностью его тем и проблематики для российской жизни, социальной и культурной. Британская романистка воспринималась, наряду с Ж. Санд, глашатаем идей женской эмансипации. Эта сторона её произведений неизменно выходила на первый план в статьях критиков, разных по идеологии и художественным предпочтениям – от умеренного А.В. Дружинина до радикальной М.К. Цебриковой. Образы сильных и независимых героинь, столь ярко представленных Ш. Бронте, становились поводом для раздумий о роли и месте женщины в современном об-

ществе, о её равенстве с мужчинами в интеллектуальном, культурном, социально-политическом плане. При этом фоном для обсуждения женского вопроса выступала насыщенная социальная проблематика романов, так созвучная пред- и пореформенному российскому обществу с его сословным расслоением, неразвитостью системы народного образования, незащищенностью «маленького человека» и другими противоречиями.

Социальная острота, впрочем, не заслоняла от российских критиков художественного новаторства Ш. Бронте, очевидного даже на фоне крупнейших фигур Ч. Диккенса и У.М. Теккерея. Своеобразие её реализма, особенности героев и подходы к раскрытию их психологии, жанровая специфика – в разном объеме и с существенно различных позиций – интерпретировались в большинстве критических статей и обретали собственную аранжировку в переводах. Усвоение творческих находок Ш. Бронте способствовало прогрессу русского реалистического романа: следы их влияния можно увидеть в образах «тургеневских девушек», в социальном романе шестидесятников, в психологизме Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, в распространении автобиографического жанра. Вместе с тем в восприятии отечественных критиков и переводчиков произведения британской писательницы приобретали «русские» черты, проецируясь то на формы «сентиментального натурализма» 1840-х – 1850-х гг., то на особенности народнической прозы, то на достижения развитого психологического реализма. Тем самым рецепция творчества Ш. Бронте становилась репрезентантом идейно-художественного развития русской литературы второй половины XIX в.

История изучения вопроса. Восприятие творчества Ш. Бронте в России было изучено в отечественном литературоведении очень фрагментарно, при том что исследованием русско-английских литературных связей эпохи плодотворно занимался целый ряд авторитетных ученых (М.П. Алексеев, Д.Г. Жантиева, В.В. Ивашева, И.М. Катарский, В.И. Кулешов, Ю.Д. Левин, Н.П. Михальская и др.) и вопросы критической, переводческой и художественной рецепции многих британских авторов получили широкое освещение. В определенной степени проблемы русского восприятия затрагивались в работах, посвященных творчеству Ш. Бронте, его историко-литературному и поэтологическому анализу (З.Т. Гражданская, М.А. Гритчук, Н.Я. Дьяконова, В.В. Ивашова, О.А. Наумова, Б.М. Проскурнин, Е.А. Соколова, Н.И. Соколова, М.П. Тугушева, Н.В. Шамина), хотя речь в них шла чаще всего об использовании отдельных высказываний критики или оценках отечественных переводов.

Важным источником здесь являются наблюдения зарубежного, в первую очередь англо-американского, бронтоведения, в составе которого можно выделить ряд направлений, актуальных для понимания рецептивной истории. Прежде всего это исследования, заостряющие внимание на мировоззрении и биографии британской романистки (Ф. Бенгли, Т. Вайз,

М. Лэйн, Н. Шерри и др.), вопросе, который привлекал постоянное внимание критиков второй половины XIX в. и порождал совершенно различные интерпретации – от апологии социального протеста до проповеди религиозного смирения. Особо здесь стоит выделить работы об ирландском – колониальном – происхождении писательницы и его влиянии на мировоззрение и творчество (Э. Читэм): этот аспект также вызывал повышенный интерес русской критики. Еще одной специфической темой является отношение Ш. Бронте к женскому вопросу и интерпретация её романов в духе феминистской критики, что необходимо учитывать при оценке отечественной критической рецепции, выдвигавшей на первый план именно проблему женской эмансипации (П. Бир, С. Левайн, Х. Моглен, Х. Тейлор, С. Шаттлворт и др.). Наконец, разностороннему изучению, в том числе в контексте викторианской литературы, подвергается эстетика и поэтика романистики, в которых, помимо традиционно выделяемых особенностей реалистической прозы, намечаются влияния многих жанров сентиментализма, преромантизма (готический роман), романтизма и даже протоформ символистской стилистики (В. Клэйк, Р. Мартин, Л. Мэйги, Р. Фрейзер, Р. Хейлман, Д. Хоуливер и пр.).

При глубокой изученности самого творчества Ш. Бронте материалы его русской рецепции в критике и переводах XIX в., тем не менее, чрезвычайно редко привлекали внимание исследователей. Немногочисленные публикации по этой теме либо имеют обзорный характер, давая самое общее представление о тенденциях отечественного восприятия, либо сосредоточиваются на одной частной проблеме – анализе отдельного перевода или узкого ряда критических статей по определенной теме (например, женскому вопросу). Так, Ю.Д. Левин при характеристике переводческой деятельности И.И. Введенского упомянул о его переводе романа «Джейн Эйр» и осветил основные принципы обращения с оригиналом¹. Т.М. Никанорова в общем плане описала критическую рецепцию творчества Эмили, Энн и Шарлотты Бронте в России с 1849 г., момента появления в журнале «Библиотека для чтения» первой статьи о них, до 80-х гг. XX в.² В обзоре было выделено две главных особенности отечественного восприятия – повышенное внимание к социальным вопросам и своеобразию метода романов.

Наиболее активно вопросами рецепции занималась О.Р. Демидова. В статье 1989 г. она проанализировала на лексическом уровне перевод И.И. Введенского, выделив некоторые особенности его переводческой стратегии³. Годом позже О.Р. Демидова защитила кандидатскую диссертацию, один из разделов которой был посвящен критическим статьям 1850-х –

¹ Левин Ю.Д. Ириарх Введенский и его переводческая деятельность // Эпоха реализма: из истории международных связей русской литературы. Л., 1982. С. 68-140.

² Никанорова Т.М. Творчество сестёр Бронте в русской и советской критике // Типологические схождения и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе 19-20 веков. Красноярск, 1987. С. 11-27.

³ Демидова О.Р. О стилистических особенностях первого русского перевода романа Ш. Бронте «Джен Эйр» // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Л., 1989. Вып. 6. С. 163-169.

1870-х гг. о Ш. Бронте и характеристике перевода И.И. Введенского с общей оценкой переводов В.В. Бутузова, С.И. Кошлаковой и П.М. Новосильского⁴. В доработанном виде этот материал был опубликован в 1994 г. в журнале «The Modern Language Review»⁵. Полезным пособием к изучению русской рецепции выступила также библиография переводов и статей в критике, составленная О.Р. Демидовой⁶. В начале 2000-х гг. вышли в свет две её статьи, посвященные восприятию английского женского романа в России, где одним из источников выступили критические высказывания А.В. Дружинина, Е. Тур и М.К. Цебриковой о романах Ш. Бронте⁷. Рецепция британской романистки здесь рассматривается в контексте культурных представлений и идеологических дискуссий, связанных с женским вопросом.

В немногочисленном ряду исследований необходимо также упомянуть две статьи обзорного характера, частично повторяющие положения Т.М. Никаноровой и О.Р. Демидовой и посвященные главным тенденциям в восприятии романов Эмили, Энн и Шарлотты Бронте в русской словесности XIX - XX вв. (И. Васильева)⁸, а также в русской и украинской критике (Н.И. Назаренко)⁹. Наконец, недавняя статья Ю.В. Ямаловой наметила возможность более полного представления о переводческой рецепции романа «Джейн Эйр», включив в себя краткий обзор девяти русских полных переложений XIX и XX вв., в том числе нескольких пересказов в критических статьях¹⁰.

Тем самым можно констатировать, что относительно изученным является пока только узкий отрезок критической рецепции – 1850 - 1870-е гг. – и перевод И.И. Введенского 1849 г.

Обращение к системному анализу критической и переводческой рецепции творчества Ш. Бронте в России второй половины XIX в. определяет **актуальность настоящей диссертационной работы**, выполненной в русле перспективного и динамично развивающегося направления современной филологии – сравнительного литературоведения. В его составе изучение рецептивных аспектов, подразумевающих обращение к методам рецептивной эстетики, исторической поэтики, семиотики, истории литературной критики, переводоведения, за-

⁴ Демидова О.Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850-1870-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990.

⁵ Demidova O.R. The Reception of Charlotte Brontë's Work in Nineteenth-Century Russia // The Modern Language Review. 1994. Vol. 89. №. 3. P. 689-696.

⁶ Демидова О.Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России: 1849-1989. Библиография переводов и критической литературы // Oxford Slavonic Papers. NS. Vol. XXIX. 1996. P. 44-60.

⁷ Демидова О.Р. С чужого языка: английский женский роман в русской культуре XIX века // Адам и Ева: альманах гендерной истории. СПб., 2003. С. 255-268; Её же. Уроки эмансипации: английский женский роман и формирование «женского политического» в России XIX в. [Электронный ресурс] // Космополис: интернет-журнал. 2003. № 2. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/demidova-zhenskij-roman.htm> (дата обращения: 07.10.2013).

⁸ Васильева И. Сестры Бронте в России. Прихоти судьбы // Бронте Ш. Эмма. М., 2000. С. 365-376.

⁹ Назаренко Н.И. Рецепция творчества сестер Бронте в российской и украинской критике // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 3. С. 65-70.

¹⁰ Ямалова Ю.В. История переводов романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» в России // Вестник Томского государственного университета. 2012. №. 363. С. 38-41.

нимает все большее место, отвечая потребности системного осмысления диалога культур, межкультурной коммуникации. Русское прочтение творчества Ш. Бронте, насыщенное социально-политическими, культурными, эстетическими проблемами, обретшими в настоящий момент особо актуальное значение в связи с прогрессом гендерных исследований, изучения нациостроительства и идеологии, позволяет по-новому взглянуть на динамику русско-английских культурных отношений, на идеологическую и художественную эволюцию отечественной словесности второй половины XIX в., на развитие принципов литературного перевода.

Недостаточная изученность русской рецепции британской писательницы задает основную установку работы. Настоящее диссертационное исследование имеет **целью** проанализировать восприятие романов Шарлотты Бронте в русской критике и переводах второй половины XIX в. в аспекте проблематики и поэтики.

Данная цель определила постановку следующих **задач**:

1. Представить целостную картину восприятия творчества и личности Ш. Бронте в России во второй половине XIX в.

2. Выявить и системно описать особенности проблематики и поэтики романов Ш. Бронте, вызывавших наибольшее внимание в русской критике 1840 - 1890-х гг.

3. Определить основные этапы эволюции в критической рецепции творчества Ш. Бронте.

4. Проследить связь русской переводческой рецепции романа «Джейн Эйр» с установками критического осмысления романистики Ш. Бронте.

5. Проанализировать трансформации метода, жанра и стиля романа «Джейн Эйр» в переводах И.И. Введенского, С.И. Кошлаковой, В.Д. Владимирова и драматической обработке Д.А. Мансфельда.

6. Раскрыть динамику переводческой рецепции романа «Джейн Эйр» в русской литературе второй половины XIX в.

Объектом исследования являются русские критические статьи, рецензии, монографии второй половины XIX в., посвященные творчеству и личности Шарлотты Бронте, и переводы романа «Джейн Эйр».

Предмет диссертационного исследования – интерпретации творчества Шарлотты Бронте в русской критике второй половины XIX в. и переводческие трансформации романа «Джейн Эйр».

Материалом исследования послужили романы Ш. Бронте, корпус критических статей о личности и творчестве сестёр Бронте А.В. Дружинина, Е. Тур (Е.А. Салиас-де-Турнемир), М.К. Цебриковой, В. Самойлович (С.П. Соболевой), Ф. Резенера, А.А. Андреевой, ряда ано-

нимных авторов, рецензии на русские переводы романов; подвергается изучению материал научной рецепции – монография О.М. Петерсон «Семейство Бронте» (1895) и оценка её в журнальной критике. Материалом переводоведческого анализа выступили переводы романа «Джейн Эйр» И.И. Введенского (1849), С.И. Кошлаковой (1857), В.Д. Владимирова (1893), а также драматическая обработка Д.А. Мансфельда (1889). Выбор данного переводческого материала обусловлен как ограниченным объемом диссертационной работы, так и историко-литературной значимостью: роман «Джейн Эйр» сформировал образ Шарлотты Бронте в России и был наиболее востребован в переводческом плане. Переводы других романов, сделанные В.В. Бутузовым и П.М. Новосильским в 1850-е гг., по признанию современной критики и позднейших исследователей, имели низкий художественный уровень и не вызвали заметного отклика, что позволило на данном этапе исследования ограничиться их общей оценкой. Кроме того, материал работы составляют тексты-посредники – французская адаптированная версия романа «Джейн Эйр» П.Э. Дорана Форга (1849) и немецкая драматическая обработка Ш. Бирх-Пфейфер (1853), с которых были соответственно сделаны переводы С.И. Кошлаковой и Д.А. Мансфельда.

Новизна работы определяется полнотой и системностью в освещении критической и переводческой рецепции творчества британской романистки в России. Впервые подвергается исследованию весь корпус критических статей и основных переводов второй половины XIX в., что позволяет детально реконструировать образ русской Ш. Бронте в единстве его биографического, проблемно-тематического и художественного планов и в соотношении с комплексом «встречных течений» в идеологическом и жанрово-стилевом развитии отечественной словесности. Дополнительные аспекты новизны обусловлены полномасштабным введением в сферу научного осмысления ранее не изученного материала в виде переводов С.И. Кошлаковой (1857), В.Д. Владимирова (1893) и Д.А. Мансфельда (1889), ряда критических статей и монографии О.М. Петерсон «Семейство Бронте» (1895), а также французской адаптированной версии романа «Джейн Эйр» П.Э. Дорана Форга (1849) и немецкой драматической обработки Ш. Бирх-Пфейфер (1853), чья посредническая роль для переводов С.И. Кошлаковой и Д.А. Мансфельда устанавливается впервые.

В основе **методологии** исследования лежит синтез методов историко-литературного и сравнительно-исторического анализов в аспекте изучения как типологических, так и контактных связей. В диссертации также использовалась методология, совмещающая с приемами академической компаративистики современные подходы переводоведения, рецептивной эстетики, исторической поэтики, истории литературной критики.

Теоретическую и методологическую базу работы составляют труды А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, М.П. Алексева, П.Р. Заборова, Д.С. Лихачева, Н.И. Конрада,

И.Г. Неупокоевой, А.В. Михайлова в сфере изучения типологических и контактных связей. Основополагающим является для нас положение В.М. Жирмунского, развивавшего учение А. Н. Веселовского о литературных взаимосвязях как «встречных течениях», которые являются следствием сходного развития общественной мысли. Научную базу диссертационного исследования по русско-английским литературным и культурным связям определяют классические труды М.П. Алексеева, Ю.Д. Левина, А.А. Елистратовой, И.М. Катарского, Н.П. Михальской, В.И. Кулешова, Д.Г. Жангиевой, В.В. Ивашевой. Творчество Шарлотты Бронте рассматривается нами в русле отечественных исследований З.Т. Гражданской, М.А. Гритчук, В.В. Ивашевой, Н.П. Михальской, Б.М. Проскурнина, М.П. Тугушевой и опыта англо-американского литературоведения (Т. Виннифрит, М. Питерс, Б. Прентис, Э. Читэм и др.). В изучении проблем литературного перевода мы опираемся на концепции А.В. Федорова, Р.К. Миньяр-Белоручева, А.Д. Швейцера, Г. Гачечиладзе и историко-литературные подходы Ю.Д. Левина, Ю.М. Лотмана, М.П. Алексеева, П.Р. Заборова.

Теоретическое значение проведённого исследования заключается в развитии принципов сравнительно-исторических исследований: в диссертации затрагивается ряд важных аспектов рецептивной эстетики (продуктивность межкультурной коммуникации, адаптация произведения при перемещении в чужой культурный контекст) и теории художественного перевода (проблема переводной множественности и влияние личности переводчика на особенности воссоздания оригинала).

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её результатов в разработке курсов по истории литературной критики, истории русской литературы, компаративистике, а также спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблеме русско-английских литературных связей, творчеству Ш. Бронте, теории и практике художественного перевода.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в виде докладов на V международной научно-практической конференции «Прикладная филология и инженерное образование» (Томск, 2007); международной научно-практической конференции «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов» (Кемерово, 2008); XIV всероссийской научно-практической конференции «Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе» (Пенза, 2009); IX ежегодной международной конференции «Языки в современном мире» (Томск, 2010); всероссийской научно-прикладной конференции «Издательская деятельность и перевод» (Томск, 2010); VIII международной научно-практической конференции «Прикладная филология: идеи, концепции, проекты» (Томск, 2010); I всероссийской молодёжной научной конференции «Личность в контексте межкультурного взаимодействия» (Томск, 2011); XIV международной конферен-

ции «Россия и Запад: диалог культур» (Москва, 2011); XIII всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2012); всероссийской научно-практической конференции «Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых» (Томск, 2012); международной научной конференции «Cultural Cross-Currents between Russia and Britain in the Nineteenth Century» («Встречные течения» в культуре России и Великобритании XIX века») (Бирмингем, Великобритания; Томск, Россия, 2013). Результаты диссертации обсуждались на заседании кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ТГУ (2013). По теме диссертации опубликовано 12 статей, 4 из которых в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Объём работы составляет 240 страниц, 219 из которых основной текст.

Положения, выносимые на защиту.

1. Рецепция творчества Ш. Бронте в России второй половины XIX в., будучи частью английских увлечений культурной элиты, имела динамичный характер и отличалась активностью в критике (более двух десятков статей и монография О.М. Петерсон), в сфере переводов (8 переводов) и в творческом восприятии. В романах и самой личности британской писательницы русский читатель искал нового жизненного идеала, образца жизнестроительства.

2. Социальная проблематика творчества Ш. Бронте являлась сферой первостепенного интереса в критических отзывах второй половины XIX в. Романы английской писательницы оценивались через призму актуальных вопросов российской общественной жизни: семейных отношений и положения женщины, социального расслоения и критики привилегированных сословий, проблем образования и воспитания, роли религии и церкви, значения социальной филантропии. Динамика критического осмысления от 1850-х к 1890-м гг. демонстрирует тесную зависимость от идеологических движений эпохи, начиная с поисков «героя времени» пред- и пореформенной поры и заканчивая установками позднего народничества, уже не отмеченного радикализмом и более чуткого к нравственно-психологической проблематике.

3. В рецепции русской критики произведения Ш. Бронте стали образцом реалистического метода. В творчестве писательницы подчеркивались правдоподобие изображаемых характеров и обстоятельств, автобиографичность, знание человеческой природы, типичность и социальная детерминированность героев. Активному осмыслению подвергалось и жанровое своеобразие романов, в которых выделялись точки соприкосновения с отечественными моделями романистики (роман частных судеб, роман кульминации личности, народнический роман). К концу XIX в. с постепенной потерей актуальности особенности метода и жанра романов Ш. Бронте выступили предметом уже не литературно-критического, а историко-литературного рассмотрения (монография О.М. Петерсон «Семейство Бронте»).

4. Переводческая рецепция романов Ш. Бронте второй половины XIX в. демонстрирует тесную связь с тенденциями критического осмысления, выдвигая на первый план социальные стороны проблематики и художественные особенности, близкие актуальным моделям отечественной словесности. Так, в интерпретации И.И. Введенского викторианский реализм, в основе которого лежит становление обычного человека в трудных жизненных обстоятельствах, трансформировался под сильным влиянием раннего русского реализма, ставящего своей задачей вызвать сочувствие к «униженным и оскорбленным». Перевод И.И. Введенского склонял роман «Джейн Эйр» к стилистике «сентиментального натурализма» 1840-х гг., приближал перевод к жанровой форме семейно-бытового романа и адаптировал текст к особенностям русского литературного языка середины XIX в.

5. Отклонением от магистральной линии русской рецепции Ш. Бронте выступили перевод С.И. Кошлаковой, сделанный с французской адаптированной версии романа «Джейн Эйр» П.Э. Дорана Форга, и перевод Д.А. Мансфельда немецкой драматической обработки «Die Waise aus Lowood» Ш. Бирх-Пфейфер. Они предлагали читателю беллетризованный, облегченный вариант исходного текста (тривиальный любовно-психологический роман и семейная драма с мелодраматическим уклоном) и не были нацелены на выполнение культуртрегерских задач. Подобная интерпретация романа Ш. Бронте, хорошо известного и прочно ассоциировавшегося с актуальным социальным содержанием, оказалась не близка русской публике и не вызвала значимых литературных откликов.

6. Воспользовавшись переводом И.И. Введенского как основой, В.Д. Владимиров (В.Д. Вольфсон) свой перевод ориентировал на жанрово-повествовательные формы развитого психологического реализма. В его переложении был найден баланс между традициями викторианского автобиографического романа и русским романом воспитания. Перевод В.Д. Владимирова стал наиболее адекватным переложением романа «Джейн Эйр» в русской литературе второй половины XIX в.

Структура работы определяется поставленными задачами и исследуемым материалом. Диссертация состоит из введения, двух глав, посвящённых, соответственно, критической и переводческой рецепции творчества Ш. Бронте в России, заключения и списка использованной литературы, включающего 250 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы исследования, её актуальность, научная новизна, определяется предмет изучения, излагается история вопроса, раскрываются теорети-

ческое значение и практическая значимость работы, формулируются цели и задачи исследования и описываются его методологические основы.

Первая глава «Восприятие личности и творчества Шарлотты Бронте в русской критике второй половины XIX века» освещает эволюцию критического восприятия биографии и романного наследия Ш. Бронте в России во второй половине XIX в. В **разделе 1.1. «История знакомства русских читателей второй половины XIX века с творчеством Ш. Бронте»** дается общий обзор критических и переводческих материалов 1840-х – 1890-х гг. и намечаются основные рецептивные тенденции. О высокой значимости фигуры Ш. Бронте для отечественной культурной жизни свидетельствует как большой объем источников, так и актуальность обсуждаемых тем. Так, первый перевод романа «Джейн Эйр» был выполнен И.И. Введенским в 1849 г., уже через два года после его выхода в Англии. До 1857 г. в России В.В. Бутузовым были переведены остальные романы британской писательницы – «Шэрли» (1851), «Вильетт» (1853), «Учитель» (1857), а «Джейн Эйр» удостоился второго перевода (С.И. Кошлакова, 1857), так же как и «Вильетт» (П.М. Новосильский, 1856 г., в 1860 г. – полное издание). Последние два перевода, однако, делались не с оригинала, а с французских адаптированных переложений. Наконец, в 1893 г. вышел в свет новый перевод самого знаменитого романа Ш. Бронте под названием «Дженни Эйр (Ловудская сирота)», выполненный В.Д. Владимировым (Вольфсоном). Тем самым, отечественный читатель мог составить полное представление о творческом наследии английской писательницы, познакомившись с разными переложениями её произведений.

Не менее насыщенной была и критическая рецепция. Первые заметки о Ш. Бронте (Коррер-Белле) появились уже в 1847 г., и до конца века продолжался процесс активного осмысления её творчества, в количественном плане насчитывавший более двух десятков статей. Наиболее значительными фигурами критической рецепции выступали видные публицисты эпохи – А.В. Дружинин, опубликовавший целый цикл статей о романах Ш. Бронте с подробным анализом проблематики и художественного строя, Е. Тур (Е.В. Салиас-де-Турнемир), первая познакомившая русскую публику с деталями биографии писательницы («Мисс Бронте, её жизнь и сочинения»), М.К. Цебрикова, рассмотревшая её творчество в контексте английской женской прозы (цикл «Англичанки-романистки»). Этап активной критической оценки, пришедшийся на 1850–1870-е гг., сменился в последней трети века историко-литературным подходом, чему много способствовали статьи и книги о Шарлотте Бронте западных биографов (Э. Гаскелл, В. Райта, А. Реньяра), вызывавшие неизменный интерес отечественных критиков и филологов (Ф. Резенер, В. Самойлович (С.П. Соболевой) и др.). Логичным завершением этого процесса стало появление первой отечественной научной биографии писательницы, созданной О.М. Петерсон (1895).

Биографией и романами Шарлотты Бронте интересовались Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Гончаров, А.П. Чехов. Вершинным воплощением творческой рецепции стали женские образы русского классического романа: эмансипированные героини Н.Г. Чернышевского, девушки И.С. Тургенева и И.А. Гончарова, некоторые персонажи Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Причем если на начальных порах героини Ш. Бронте воспринимались в русле защиты «униженных и оскорбленных», в духе сентиментального пафоса натуральной школы, еще не позволявшего ощутить их внутреннюю силу и самоценность (ср., например, «Неточку Незванову» Ф.М. Достоевского), то позднее в «Рудине», «Дворянском гнезде» и «Накануне» И.С. Тургенева, «Обломове» И.А. Гончарова, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, «Униженных и оскорбленных» Ф.М. Достоевского и ряде других романов на первый план вышла не униженность героини, а её активность в общении с миром, в преодолении препятствий и в отстаивании собственных жизненных принципов.

В разделе 1.2. «Рецепция в русской критике социальной проблематики романов Ш. Бронте» последовательно доказывается на материале критических отзывов второй половины XIX в., что социальная проблематика творчества Ш. Бронте являлась сферой первостепенного интереса. Романы английской писательницы позволяли поставить ряд вопросов, актуальных для российской общественной жизни: семейные отношения и положение женщины, социальное расслоение и критика привилегированных сословий, проблемы образования и воспитания, роль религии и церкви, значение социальной филантропии. Иногда произведения Ш. Бронте становились лишь поводом для обсуждения наболевших тем, отодвигавших на второй план мировоззрение автора и художественное своеобразие текстов. Знаменательно, что постоянным фоном критических высказываний являлась биография женщины-писательницы, позволявшая интерпретировать романы как прямое отражение драматичного личного опыта.

Динамика осмысления социальных тем от 1850-х к 1890-м гг. демонстрирует тесную зависимость от идеологических движений эпохи. В предреформенную пору романы Ш. Бронте включаются в поиск «героя времени», идеала личности, который мог принести обществу обновление. Полярные оценки, высказанные А.В. Дружининым и Е. Тур, показывают его разницу. Для А.В. Дружинина, ищущего гармоничного отношения к жизни, героини Ш. Бронте выступали образцом сильной, уверенной личности, способной примирить противоречия искаженной социальной среды, для Е. Тур, последовательницы «реальной критики», главным была ограниченность мировоззрения писательницы, ставящей многие общественные вопросы, но не предлагающей пути их действительного разрешения.

На рецепцию творчества Ш. Бронте в 1870-х гг. сильное влияние оказала народническая идеология, выразительницей которой явилась М.К. Цебрикова. Демократичность геро-

инь английской писательницы не помешала критику увидеть в них элементы консерватизма, приверженность «пасторской морали», не способной привести к глубокому преобразованию общественных условий. Поиск «героя времени» сменился поиском социальной программы действий, что обусловило восприятие творчества Ш. Бронте как идейно ограниченного и во многом архаичного.

В конце века восприятие ее романов всё ещё было связано с идеями народничества, однако уже не отмеченного радикализмом и более чуткого к нравственно-психологической проблематике. Поиски гармонической личности, внимание к индивидуальным духовным движениям обусловили высокую оценку творчества Ш. Бронте, воспринятого как образец противостояния общественной косности. Главной здесь становилась нравственная энергия героинь, способных сохранять верность себе в драматических условиях. Это выразилось и в переоценке религиозного мировоззрения, характерного для персонажей и автора.

Таким образом, романы английской писательницы стали для русской критики и общественной мысли сферой своеобразной самопроверки, отразив смену идеологических концепций от идеалов предреформенного поколения до позднего народничества.

В разделе 1.3. «Женский вопрос в романах Ш. Бронте и его восприятие в русской критике» внимание сосредоточивается на отечественной рецепции специфического подхода романистки к проблеме женской эмансипации, чрезвычайно актуальной во второй половине XIX в. Более того, в современном литературоведении творчество Ш. Бронте чаще всего ассоциируется с феминизмом и выступает образцом женского взгляда на мир (П. Бир, Х. Моглен, Х. Тейлор, С. Шаттлворт, С. Левайн, О.Р. Демидова, Н.В. Шамина и др.). Подобное восприятие отражает неоднократно отмечаемую исследователями установку писательницы на отстаивание прав женщин. Героини Ш. Бронте боролись за равноправие в семье и труде, но не выдвигали каких-либо политических требований, что хорошо вписывалось в умеренные тенденции викторианской литературы середины века. Романистка ставила своей задачей изобразить некрасивую, но сильную женщину, которую можно полюбить за стойкость и чистоту побуждений и которая способна самостоятельно найти достойное место в жизни.

Именно такой подход к женскому вопросу соответствовал ожиданиям русского общества середины XIX в. Он был актуализирован уже в первой отечественной статье об английской писательнице: «Это воздержная и серьезная история, – писал критик о романе «Джейн Эйр», – назначенная для того, чтобы драматизировать среднее и зависимое состояние очень интересного и многочисленного женского класса в Англии»¹¹. Репрезентантом основных позиций русской критики здесь могут служить оценки А.В. Дружинина, Е. Тур и М.К. Цебри-

¹¹ Литературные новости в Англии: Дженни Ир: Автобиография // Библиотека для чтения. 1849. Т. 94. Ч. 2. Апрель. Отд. 7. С. 153.

ковой. Первый уже был к моменту выхода романов Ш. Бронте автором повести «Полинька Сакс» (1844 - 1845), посвященной женскому вопросу. Однако в отличие от британской писательницы, А.В. Дружинин ратовал скорее за право женщины на свободу чувств, нежели за её эмансипацию в обществе. Этот взгляд критик развил в ряде статей, посвященных разбору романов «Джейн Эйр», «Шэрли», «Городок» и «Вильетт» Тем не менее сам тип героини оказался русскому критику даже ближе чем английским рецензентам.

Более радикальное мнение было сформулировано Е. Тур («Мисс Бронте, её жизнь и сочинения»), которая считала, разделяя демократические взгляды, что женщина должна наравне с мужчиной вести трудовую деятельность, обладать свободой выбора в семье и правом на развод. Для нее судьба писательницы и её героинь выступила образцом вынужденного компромисса между потребностью полной и органичной самореализации и невозможностью её достичь в современных общественных условиях.

В 1870-х гг. на рецепцию женской темы у Ш. Бронте огромное влияние оказала народническая идеология, отстаивающая идею социального равноправия мужчин и женщин. Джейн Эйр стала для М.К. Цебриковой предвестием «женщины будущего», но всё же не идеалом, вполне отвечающим запросам современного русского общества. Препятствием тому, по ее мнению, выступала мировоззренческая ограниченность, связанная с религиозными убеждениями Бронте, её приверженностью «пасторской морали».

Тем самым героини романов выступали для отечественных читателей своеобразными образцами жизнестроительства, в их судьбах видели актуальные модели женского самосознания и социального поведения.

В разделе 1.4. «Национальная специфика творчества Ш. Бронте в осмыслении отечественной критики» показано, что произведения британской романистки давали русским критикам повод для различных, но всегда национально окрашенных суждений. Социальная проблематика, в том числе «женский вопрос», находили у автора «Джейн Эйр» яркую «местную» реализацию и не могли рассматриваться вне специфики английского общества и культуры. Непременным фоном статей о Ш. Бронте и ее романах становились экскурсы в британскую историю, обзор колоритных социальных типов (аристократ, провинциальный помещик, промышленник, благотворитель), описание тех или иных общественных институтов, отличавшихся ярким своеобразием (суд, органы самоуправления, образование, писательская среда). Частью подобного образа страны выступала и английская романистика. Проза Ш. Бронте сравнивалась русскими критиками и с современными английскими авторами – Ч. Диккенсом, У.М. Теккереем, женщинами-писательницами, и с представителями английской литературы XVIII в. – Дж. Аддисоном, С. Ричардсоном, Г. Филдингом, Т. Смоллеттом, и с романтиком, создателем английского исторического романа, В. Скоттом. Так, в кон-

це столетия П.Н. Краснов в рецензии на перевод В.Д. Владимирова определил и «Джейн Эйр» как «типичный английский роман, написанный женщиной»¹².

Особым предметом внимания выступали особенности национального характера, отразившиеся в произведениях Ш. Бронте. Причем если в середине века они связывались с грубостью, смелостью и энергичностью англичан («книга английская, и английская в полном значении этого слова. Она наполнена духом этого саксонского поколения»¹³), то в конце столетия в романах писательницы акцентировались уже кельтско-ирландские созерцательность, чувствительность и фантазия. Новые национальные черты были открыты русской критикой благодаря О.М. Петерсон, автору первой отечественной биографии сестёр Бронте (см. далее), рассказавшей об их ирландском происхождении. В подобной интерпретации чувствовалась не только смена национального контекста, но и сдвиг эстетических координат, подразумевавший особую значимость чувства, воображения, творческого вымысла. Так романы Ш. Бронте включались в парадигму неоромантического и символистского искусства, придавшего новую ценность фольклорному, народному началу, национальному «преданию».

Раздел 1.5. «Художественные особенности романов Шарлотты Бронте в интерпретации русских критиков» посвящён отечественному осмыслению творческого метода и жанровых установок автора «Джейн Эйр».

В первом параграфе «Интерпретация творческого метода Ш. Бронте» показано, что в рецепции русской критики произведения британской романистки стали образцом реалистического метода. В творчестве писательницы подчеркивались правдоподобие изображаемых характеров и обстоятельств, автобиографичность, знание человеческой природы, типичность и социальная детерминированность героев. «Ни в одном из ее романов нет поэтического вымысла, – настаивала Е. Тур, – и всякое лицо взято целиком из действительности»¹⁴.

Реализм автора «Джейн Эйр» воспринимался в середине XIX в. в контексте отечественного «сентиментального натурализма», ярко раскрывавшего личность «маленького» человека в его борьбе с трудными жизненными обстоятельствами. Черты романтизма, столь важные в романах Ш. Бронте, не находили отклика и, как правило, причислялись к слабым местам, неорганичным элементам. Происхождение их связывалось с религиозным воспитанием и традициями в семье писательницы. Однако к концу XIX в. внимание к ним повысилось, что позволило некоторым критикам (А.А. Андреева) отнести всё творчество Ш. Бронте к романтизму. Претерпело эволюцию и восприятие реалистических установок: критика

¹² [Краснов П.Н.] Бронте Ш. Дженни Эйр: Ловудская сирота: роман-автобиография в 2-х частях. Пер. В.Д. Владимирова. СПб.: Изд. М.М. Ледерле и К, 1893. // Всемирная иллюстрация. 1894. Т. 51. Январь-июнь. С. 111.

¹³ Литературные новости в Англии: Дженни Ир: Автобиография. С. 152.

¹⁴ Тур Е. Мисс Бронте, ее жизнь и сочинения // Русский вестник. 1858. Т. 18. Декабрь. Кн. 2. С. 564.

продолжает говорить о типичных героях в типичных обстоятельствах, но если ранее акцент ставился на отстаивании прав на личностное достоинство, то теперь он перемещается на психологическую глубину образов, сложно соотнесенную с социальными условиями.

Во втором параграфе «Обсуждение жанра романов Ш. Бронте» освещается рецепция специфической жанровой модели, которая вызывала устойчивый интерес русской критики, начиная с первых статей, стремившихся найти точки соприкосновения с отечественными моделями романистики. Критики 1850-х гг. выделяли в романах английской писательницы поэтическое начало, близость к жанру повести, столь характерные для русских романов этой эпохи. Позднее на первый план вышло автобиографическое, психологически мотивированное повествование, придававшее особый характер роману становления, основной жанровой модели эпохи. Здесь намечались очевидные параллели с отечественным романом частных судеб. Последующая эволюция русского романа (роман кульминации личности, народнический роман) отодвинула в тень жанровые находки Ш. Бронте, хотя и не лишила значения социально-психологическую основу романов. Тем не менее к концу XIX в. ее жанровые модели выступили предметом уже не литературно-критического, а скорее историко-литературного осмысления.

В третьем параграфе анализируется опыт целостного историко-литературного рассмотрения творчества Ш. Бронте в монографии О.М. Петерсон «Семейство Бронте», которое подводило итог критической рецепции и было выполнено в рамках популярной во второй половине XIX в. культурно-исторической школы. При описании жизненного пути семьи Бронте автор выделял несколько ключевых моментов, таких как наследственность таланта, ирландское происхождение, связывая с ним романтические элементы романов, однообразная жизнь, повлиявшая на характер сестёр и особенности их героев, автобиографизм творчества. Исследовательница особо останавливается на отличительных чертах метода Ш. Бронте, который определяется как реалистический с элементами романтической и сентиментальной поэтики, причем последние используются автором сознательно для обогащения сюжета и привлечения читателя. О.М. Петерсон первая отметила нарастающую популярность в конце XIX в. Эмили Бронте и положила начало русской Бронтеане.

Вторая глава «Роман «Джейн Эйр» Ш. Бронте в русских переводах второй половины XIX века» посвящена переводческой рецепции наиболее популярного и значимого романа британской писательницы, тесно связанной с критическим осмыслением и развитием отечественной литературы.

Раздел 2.1. «Трансформация метода, жанра и стиля романа «Джейн Эйр» в переводе И.И. Введенского (1849)» состоит из трёх параграфов, в которых последовательно представлен анализ различных сторон первого отечественного перевода «Джейн Эйр»¹⁵.

Первый параграф «Черты «сентиментального натурализма» в переводе И.И. Введенского» посвящен специфическому художественному методу отечественной версии романа. В интерпретации И.И. Введенского викторианский реализм Ш. Бронте, в основе которого лежит становление обычного человека в трудных жизненных обстоятельствах, трансформировался под сильным влиянием раннего русского реализма, который ставил своей задачей вызвать сочувствие к «униженным и оскорбленным». В переводе очевидно влияние «сентиментального натурализма», которое определяет поэтику и нацеливает читателя на сочувствие к героине. И.И. Введенский высмеивает высший свет и подчеркивает достоинство маленького человека, акцентирует внимание на социальных вопросах, поднимает женскую тему, нивелируя при этом религиозный подтекст романа, не близкий ему по мировоззрению. Для достижения своих целей переводчик меняет название («Дженни Эйр») и структуру произведения, что приводит к смещению акцентов, зачастую трансформирует смысл и настроение многих важных эпизодов, придавая им оттенок повышенного драматизма.

Во втором параграфе анализу подвергаются **жанрово-повествовательные особенности романа-автобиографии в переводческой интерпретации И.И. Введенского**. Первое отечественное переложение романа «Джейн Эйр» отвечало потребности «натуральной школы», с которой был тесно связан И.И. Введенский, в более широком изображении субъективно-личностного мира. Автобиографическая форма повествования, открывающая возможности нового подхода к герою, ставила перед переводчиком сложные задачи, в целом решенные, но не без существенных потерь. В первую очередь это касалось плана рефлексии, подвергнувшегося некоторому сужению и упрощению, связанному с недооценкой мировоззренческой значимости образа Джейн Эйр. Он воспринимался И.И. Введенским как новая версия добродетельных героев английского просветительского романа, как Памела или персонажи частично переведенного им в 1845 г. «Векфильдского священника» О. Голдсмита. В результате его перевод «Джейн Эйр» приближается к жанровой форме семейно-бытового романа, имевшей уже развитую отечественную традицию (В.Т. Нарезный, А.И. Измайлов, Ф.В. Булгарин и др.). Это воплощается в адресации романа женской аудитории, в росте нравоучительности, в усилении сюжетных элементов любовного характера при ослаблении психологической напряженности и мировоззренческой глубины, выразившейся в том числе в пропусках ряда эпизодов, важных для становления характера Джейн Эйр.

¹⁵ Бронте Шарлотта/Коррер Белль. Дженни Эйр. Пер. И. Введенского // Отечественные записки. 1849. Т. 64. С. 175-250. Т. 65. С. 67-158, 179-262. Т. 66. С. 65-132, 193-330.

В третьем параграфе представлен анализ **стилистических особенностей перевода**. Наиболее наглядно переводческие трансформации, произведенные в романе «Джейн Эйр», проявились на уровне стиля. При передаче авторской стилистики И.И. Введенский следовал своим переводческим принципам, нацеленным на адаптацию текста к особенностям русского литературного языка середины XIX в. Его перевод в целом сохранил свойственную произведению стилистическую структуру, функциональное сочетание книжной, нейтральной и разговорно-просторечной лексики, однако во многих частных случаях, построенных на контрасте стилей и предполагавших сатирико-комический эффект, переводчику не удалось найти эквивалентного соответствия. Очень ограниченно И.И. Введенский передал аллюзионно-цитатный уровень текста, насыщенный у Ш. Бронте, так же как и элементы лирико-поэтической организации (метафорику, синтаксические параллелизмы, аллитерацию и т. п.). Однако в его переложении значительно усилилась роль просторечных форм, что сопровождалось еще и стремлением к русификации, выразившейся в замене английских названий, имен, социальных и бытовых реалий их отечественными эквивалентами. В итоге роман оказался сильно трансформирован стилистически, что признавал и сам переводчик: «Роман «Дженни Эйр», действительно, не переведен, а переделан мною»¹⁶.

В разделе 2.2. «Переводы и переложения романа «Джейн Эйр» С.И. Кошлаковой, Д.А. Мансфельда / Ш. Бирх-Пфейфер и В.Д. Владимирова» анализируются переводческие трансформации произведения, приспособляющие его к жанрово-повествовательным формам русской литературы 1850 - 1890-х гг.

Первый параграф «Беллетризация повествования в адаптированном переводе С.И. Кошлаковой (1857)»¹⁷ описывает изменения проблематики и поэтики в сокращенном переводе, созданном малоизвестной переводчицей 1850 - 1860-х гг. При знании английского языка и возможности обратиться к оригиналу романа свой перевод, предназначенный для публикации в популярной серии А.Ф. Смирдина «Библиотека для дач, пароходов и железных дорог», С.И. Кошлакова сделала по французскому адаптированному переложению «Jane Eyre. Mémoires d'une gouvernante. Imité de Currer Bell, par O. N.» (Bruxelles, 1849. 2 vols.). Его автором был Поль-Эмиль Доран-Форж (1813 - 1883), близкий друг Ф. Стендаля и Ж. Гранвиля, известный французский критик, любитель английской словесности и переводчик ряда произведений У. Коллинза, Э. Гаскелл, Н. Готторна, Э. По, укрывшийся за псевдонимом О.Н., что значило Old Nick.

¹⁶ Введенский И.И. О переводах романа Теккерея «Vanity Fair» в «Отечественных записках» и «Современнике» // Отечественные записки. 1851. Т. 78. № 9. С. 75.

¹⁷ Бронте Ш. Дженни Эйр, или записки гувернантки: в 3 ч. Пер. С.И. К...вой. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1857.

Второй русский перевод романа «Джейн Эйр» предлагал читателю беллетризованный, облегченный вариант исходного текста и не был нацелен на выполнение каких-либо культуртрегерских задач, как в случае И.И. Введенского. Он передавал поэтику французской адаптации и ориентировался на форму тривиального любовно-психологического романа с ослабленным социальным и философским содержанием, но с усиленным мистико-религиозным звучанием. В переводе С.И. Кошлаковой оказалась трансформирована архитектура произведения: три его части передавали этапы любовной интриги, причем была радикально сокращена предыстория героини; из повествования оказались исключены многие второстепенные персонажи, а остальные подверглись значительному упрощению и стали напоминать стереотипные образы светской любовной повести; существенно сократилась рефлексивная составляющая, сменившись сосредоточенностью на сюжете; наконец, особое значение приобрели романтические ситуации и элементы стилистики, в оригинале тесно сплетенные с реалистическим изображением. В итоге перевод 1857 г. стал, по сути, коммерческим продуктом, имевшим весьма скромное историко-литературное значение и не заслужившим даже отзывов в современной критике.

Во втором параграфе «Роман «Джейн Эйр» в немецкой драматической обработке Ш. Бирх-Пфейфер (1853, перевод Д.А. Мансфельда 1889 г.)» рассматриваются жанровые трансформации, сделанные Шарлоттой Бирх-Пфейфер (1800 - 1868), известным немецким драматургом середины XIX в., при адаптации романа для постановки на сцене. Перевод её пьесы «Die Waise aus Lowood»¹⁸, популярной в европейском театре, осуществил Д.А. Мансфельд, репертуарный драматург и переводчик последней трети XIX в. Оригинальный текст Ш. Бирх-Пфейфер адаптировала для вкусов массовой публики, её драматическая обработка – это пьеса по мотивам романа «Джейн Эйр», в концепцию и сюжет которого внесены радикальные изменения. Комедия сосредоточена на интриге, связанной с любовными отношениями Жан Эйр и Рочестера, а социальная сторона конфликта лишь намечена в виде пониженного статуса героини в семье Ридов и, в меньшей степени, в Торнфильд Холле. Жан соответствует романному прообразу лишь частично как тип независимого характера, полностью лишенного мировоззренческой мотивации. Героиня уже не представляет идеал новой женщины, и в конце романа она растворяется в объятиях Роланда, не мысля для себя никакой иной роли. В романе же провидение и тема искупления грехов играют значительную роль наряду с такими проблемами, как женский вопрос или сословное расслоение общества. В оригинале изменение места действия влечёт за собой не только внутреннее развитие самой главной героини, но и изменение её социального статуса. В драматической обработке об эво-

¹⁸ Бирх-Пфейфер Ш. Ловудская сирота: Жан Эйр: комедия в 4 д. Пер. Д.А. Мансфельда. М.: Литография Московской театральной библиотеки Е.Н. Рассохиной, 1889.

люции говорить не приходится, процесс внутреннего становления главных героев затушеван, мы лишь наблюдаем эмоциональную Жан в первом действии и более сдержанную и образованную во втором. Очевидно, подобная интерпретация романа Ш. Бронте, хорошо известного и прочно ассоциировавшегося с актуальным социальным содержанием, оказалась не близка русской публике, и поэтому пьеса не была поставлена на сцене, а сам перевод Д.А. Мансфельда прошел фактически незамеченным, затерявшись на полках театральных библиотек.

В третьем параграфе «Проблемы передачи психологического содержания и авторского стиля в переводе В.Д. Владимирова (1893)» представлен анализ повествовательных особенностей последнего в XIX в. перевода романа «Джейн Эйр», который можно назвать наиболее адекватным оригиналу. С течением времени перевод И.И. Введенского, выполненный в стилистике «сентиментального натурализма», перестал соответствовать потребностям отечественной литературы. Этот разрыв попытался преодолеть В.Д. Владимиров, выпустивший в 1893 г. новый полный перевод романа¹⁹.

В.Д. Владимиров (В.Д. Вольфсон, 1852 – не ранее 1895), биолог, гигиенист, критик, переводчик философской и художественной литературы (В. Гюго, Ч. Диккенс) и беллетрист, очевидно, пользовался переводом И.И. Введенского и находился под его воздействием, однако это не помешало ему в большинстве случаев приблизить свое переложение к тексту оригинала. В.Д. Владимиров свой перевод ориентировал на жанрово-повествовательные формы развитого психологического реализма. В его переложении был найден баланс между традициями викторианского автобиографического романа и русским романом воспитания. Черты субъективности и романтической, по генезису, эмоциональной избыточности переводчиком были сглажены, при том что общая центростремительная структура романа сохранилась. «Выравниванию» подвергся и психологический облик Джейн Эйр, приобретший более строгую мотивированность, но лишившийся, однако, ряда показательных деталей, отдельных нюансов поведения, склада чувств и мыслей. В определенной мере изменения коснулись стилистической стороны романа, переданной с отступлением от оригинала в плане символики, реминисценций, средств лексико-синтаксической выразительности и лирико-поэтического начала. Вместе с тем некоторое обеднение не лишило перевод ценности и новизны и сделало его наиболее адекватным переложением романа «Джейн Эйр» в русской литературе вплоть до появления в середине XX в. первого профессионально выверенного перевода В.О. Станевич.

В заключении подводятся основные итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего исследования темы.

¹⁹ Бронте Ш. Дженни Эйр: Ловудская сирота: роман-автобиография в 2-х частях. Пер. В.Д. Владимирова. СПб.: Изд. М.М. Ледерле и К, 1893.

Настоящая диссертация выступает необходимым этапом в полном воссоздании образа русской Ш. Бронте, который соединит критическую и переводческую рецепцию с картиной разветвленных творческих перекличек. Думается, однако, что главная установка, выявленная нами, при этом подтвердится и жизнестроительный пафос, модель становления и духовного роста сильной женской личности, заявленные английской писательницей, раскроются новыми гранями в русской романистике.

Непосредственной же перспективой работы является изучение оставшихся за пределами внимания переводов романов «Шэрли» (1851 г.), «Вильетт» (1853 г.) и «Учитель» (1857 г.) В.В. Бутузова и «Вильетт» (1856 г., в 1860 г. – полное издание) П.М. Новосильского, а также специфической «дайджестной» формы краткого пересказа-перевода («Джейн Эйр» – «Библиотека для чтения» (1849, 1852, 1853 и 1856 гг.), «Современник» (1850 г.), «Мир Божий» (1893 г.); «Шерли» и «Вильетт» – «Библиотека для чтения» (соответственно 1853 и 1856 гг.) и «Отечественные записки» (1871 г.). Также возможным продолжением темы может быть исследование критической, переводческой и творческой рецепции наследия Ш. Бронте в XX и XXI вв.

Основные положения диссертационного исследования изложены

в следующих публикациях:

Статьи в журналах, которые включены в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций, из них 1 в научном периодическом издании, включенном в систему цитирования Scopus:

1. Syskina Anna A. Russian translations of the novels of Charlotte Brontë in the 19th century // Bronte studies. - 2012. - Vol. 37. - No. 1. - С. 44-48. - 0,36 п.л.

2. Сыскина А. А. Переводы XIX века романа “Джейн Эйр” Шарлотты Бронте: передача характера и взглядов героини в переводе 1849 г. Иринарха Введенского // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2012. - №. 3 (118). - С. 177-182. - 0,75 п.л.

3. Сыскина А. А. Трансформация форм реализма в переводе романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» И. И. Введенского (1849 г.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2012. - №6 (17). - С. 175-180. - 0,76 п.л.

4. Сыскина А.А. Роман «Джейн Эйр» Ш. Бронте в переводе В.Д. Владимирова (1893): трансформация метода и жанрового своеобразия // Вестник Томского государственного университета. - 2013. - №. 2 (367). - С. 17-20. - 0,53 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

5. Сыскина А.А. История восприятия творчества сестёр Бронте во второй поло-

вине XIX века // Прикладная филология и инженерное образование: Сборник научных трудов и материалов V Международной научно-практической конференции / Под ред. В.В. Максимова. - Томск: Томский политехнический университет, 2007. - Часть 2. - С. 216-223. - 0,42 п.л.

6. Сыскина А.А. Авторский стиль Шарлотты Бронте // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: труды международной научно-практической конференции (Кемерово, 4 июля 2008 года) / ред. кол.: Л.А. Араева, Т.В. Артёмова, М.А. Осадчий; под ред. Л.А. Араевой. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. - С. 194-196. - 0,19 п.л.

7. Сыскина А.А. Общность творчества сестёр Бронте в зарубежной литературе // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе: сборник статей XIV Всероссийской научно-практической конференции / МНИЦ ПГСХА. - Пенза: РИО ПГСХА, 2009. - С. 154-157. - 0,17 п.л.

8. Сыскина А.А. Тенденции в переводе романов Шарлотты Бронте во второй половине XIX века // Языки в современном мире: материалы IX ежегодной международной конференции, 23 - 25 мая 2010 года / отв. ред. С.К. Гураль. - Томск. гос. ун-т, 2010. - С. 110. - 0,05 п.л.

9. Сыскина А.А. Концепция национальной природы творчества Шарлотты Бронте в русской периодической печати (русских журналах, русской критике) во второй половине XIX века // Прикладная филология: идеи, концепции, проекты: сборник трудов VIII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2 // Под ред. С.А. Песоцкой; Томский политехнический университет. - Томск: Издательство ТПУ, 2010. - С. 161-166. - 0,34 п.л.

10. Сыскина А.А. Особенности пересказов романа «Джен Эйр» Шарлотты Бронте в XIX века // Труды Томского государственного университета. - Т. 278. - Сер. психолого-педагогическая: Личность в контексте межкультурного взаимодействия: Материалы I Всероссийской молодёжной научной конференции. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. - С. 144-145. - 0,18 п.л.

11. Сыскина А.А. Восприятие национальной природы романов Шарлотты Бронте русской критикой XIX века // Сборник статей XIV международной конференции «Россия и Запад: диалог культур», 24 - 26 ноября 2011 года, Посвящается 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. - Выпуск 16. - Часть III. - Москва, 2012. - С. 450-458. - 0,48 п.л.

12. Сыскина А.А. Женский вопрос в романах Ш. Бронте и его восприятие в русской критике второй половины XIX века // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т.А. Демешкина. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. - С. 510-514. - 0,36 п.л.

Сыскина А.А.

Критическая и переводческая рецепция творчества Шарлотты Бронте
в русской литературе второй половины XIX века.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 11.11.2013. Формат 60x84/16. Бумага «Снегурочка».

Печать XEROX. Усл. печ. л. 1,40 . Уч.-изд. л. 1,26.

Заказ 1248-13. Тираж 100 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО **ТПУ**. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30
Тел./факс: 8(3822)56-35-35, www.tpu.ru